

и обиваю до сих пор, чтобы допечатать мои таджикские очерки, которые приняты, но для которых катастрофически отсутствует в газете место.

Не ходите же мне ко всем и не говорить: верьте мне.

Но Вас я могу просить об этом, — и я прошу Вас мне помочь.

С величайшим нетерпением жду Вашего ответа.

Позвольте пожелать Вам всего хорошего.

БОР. ПИЛЬНЯК

И. В. СТАЛИН — Б. А. ПИЛЬНЯКУ

<7 января 1931 г.>

Уважаемый тов. Пильняк!

Письмо Ваше от 4.I получил. Проверка показала, что органы надзора не имеют [в настоящее время (зачеркнуто). — *Ред.*] возражений против Вашего выезда за границу. Были у них, оказываются, колебания, но потом они отпали. Стало быть, Ваш выезд за границу можно считать в этом отношении обеспеченным.

Всего хорошего.

И. СТАЛИН

Е. И. ЗАМЯТИН — И. В. СТАЛИНУ

<Июнь 1931 г.>

Уважаемый Иосиф Виссарионович, приговоренный к высшей мере наказания — автор настоящего письма — обращается к Вам с просьбой о замене этой меры другой.

Мое имя Вам, вероятно, известно. Для меня как для писателя именно смертным приговором является лишение возможности писать, а обстоятельства сложились так, что продолжать свою работу я не могу, потому что никакое творчество немислимо, если приходится работать в атмосфере систематической, год от году все усиливающейся, травли.

Я ни в какой мере не хочу изображать из себя оскорбленную невинность. Я знаю, что в первые 3–4 года после революции среди прочего, написанного мною, были вещи, которые могли